

МАРК АРДЕНОВ

ЧУЖОЙ КАПИТАН

— Цикл «Ищущий дом». Книга первая —

Марк Арденов

Чужой капитан

«Автор»

2026

Арденов М.

Чужой капитан / М. Арденов — «Автор», 2026

Поехал в отпуск покататься на лыжах во Французских Альпах. И умер в ледниковой трещине. По крайней мере, я так думал, пока не очнулся в собственном теле — целом и помолодевшем. То, как я выжил, оказалось далеко не самой странной частью этой истории. Потому что дальше был космос, чужие миры и слишком много вопросов, на которые мне очень захотелось получить ответы. Ну что ж. Разберёмся по дороге.

© Арденов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ледник	5
Глава 1. Ледник	12
Глава 3. Чужой язык	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Марк Арденов

Чужой капитан

Глава 1. Ледник

Ла-Грав, Французские Альпы

За ночь снега навалило знатно, сантиметров тридцать, не меньше. Он лежал везде: на перилах, крышах машин и даже на плечах туристов.

Ради такого пухляка народ и мчится через пол-Европы. Вот и я тоже. Только добираться сюда из Москвы было отдельным квестом. Особенно если учесть, что нужно тащить пару комплектов лыж и остальную снарягу. Это не на пляж сгонять. Кинул в чемодан плавки, шлёпанцы, шорты — и готов.

Оно того стоило. Хотя, конечно, когда эйфория от каталки проходит, заглядываешь в онлайн-банк и понимаешь, что дома какое-то время придётся сидеть на дошираке. И думаешь, а может, лучше пузо погреть в Турции? Олинклюзив, все дела.

А через год снова стоишь в Ла-Граве перед подъёмником. Я пересчитал своих. Пятеро. Все такие же любители целины.

Гриша, Сева, Миша, Лена и Артём. Все на месте. Я шестой и сегодня по совместительству старший. Не гид. Гидами здесь были специально обученные французы с лицензиями и вполне соответствующими расценками.

Я просто знал район лучше остальных и согласился вести группу. Сейчас начинал подозревать, что сделал это зря.

— По одному.

Я переключил свой бипер в режим поиска. Гриша прошёл первым. Сигнал появился почти сразу.

— Дальше.

У остальных тоже лавинные датчики работали исправно. Ко мне шагнул Артём, экран остался пустым. Я взглянул на него. Он на меня. Потом на прибор. Снова на меня.

— Тём.

— Сейчас.

Он полез под куртку.

— Только не говори, что забыл включить.

— Я включал.

— Я верю, так оно и было.

— Макс, реально включал.

— Конечно. Сам, значит, вырубился.

Гриша заржал. Артём вытащил датчик. Тот действительно был выключен.

Парню было двадцать два, катался он прилично. За последний год здорово прибавил и временами уже начинал верить в себя чуть сильнее, чем следовало. Обычная история. Сам через это проходил.

— Включай.

Он включил передатчик. Я проверил сигнал и переключил свой бипер обратно в режим передачи.

— Всё. Больше его не трогай.

— Да понял я.

— Надеюсь.

Гриша хлопнул приятеля по плечу.

— Терпи. Я тебя предупреждал.
Я проверил прогноз ещё раз.

Снегопад стих к утру. Наверху ещё гулял ветер, возле гребней могло надуть свежие доски, поэтому никаких кулуаров и красивых приключений. Нормальная спокойная линия, дистанция, без самодеятельности.

На словах «без самодеятельности» я задержал взгляд на Артёме. Он показал мне большой палец. Я вздохнул и убрал телефон в карман. Наверх канатка ползла долго. Сначала остались внизу деревня и дорога, потом лес, потом вообще всё, напоминающее о присутствии цивилизации.

На Коль-де-Рюийан нас выплонуло уже в другой мир. Три тысячи двести метров, минус пятнадцать, ветер и Меж напротив. Скала торчала над ледниками, и рядом ты — песчинка во вселенной. Гриша подошёл ко мне и задрал голову.

— Красиво.

— Ага.

— Фотку сделаешь?

— Потом.

— Почему потом?

— Смотри. Сейчас ты достанешь телефон, снимешь перчатку и её унесёт ветром. А кто будет в этом виноват?

— Душный ты какой-то сегодня.

— Не, сегодня я ответственный.

— Это лечится?

— Возможно. Алкоголем, например.

Мы поднялись выше, к Дом-де-ла-Лоз. План был простой: пройти верх по Жироз, вернуться к Рюийан, а оттуда уйти в Валлоны-де-ла-Меж. Никаких кулуаров и дальних вариантов. Экспериментировать после обильного ночного снегопада не хотелось.

На леднике я собрал всех ещё раз. Ветер швырял снежную крупу по насту, но видимость пока была нормальной.

— Идём так: Гриша первым. За ним Сева, Лена, Миша, Артём. Я замыкаю. Пока видимость позволяет, держим дистанцию метров тридцать. За верёвки не лезем. Вообще. Даже если там лежит самый прекрасный нетронутый снег вашей жизни.

Артём посмотрел в сторону белого поля.

— А если там очень прекрасный?

— Сфоткай. Потом полюбишься.

— Жадный ты.

— Зато живой.

Гриша здесь уже катался со мной и линию до Рюийан знал. Поэтому он шёл первым, а я остался сзади, чтобы видеть всю группу. Я ткнул палкой вниз.

— У Рюийан собираемся. Потом уходим вправо, в Валлоны. Если погода начнёт портиться раньше, никаких геройств, спускаемся к станции. Вопросы?

Сева поднял руку.

— Кататься-то уже можно?

— Нет, нельзя. Мы же просто постоять сюда пришли.

Гриша первым толкнулся вниз. За ним ушли Сева, Лена и Миша. Артём махнул мне палкой и поехал следом. Я дождался, пока между нами появятся положенные метры, и пошёл последним. Первые минуты вообще не хотелось ни думать, ни разговаривать.

Перелёты, пересадки, таскание лыжных чехлов через аэропорты — всё ради одного. Свежий снег. Лыжи ныряли в него почти без сопротивления, всплывали в дуге, снег бил в колени,

ветер сразу уносил облако из-под кантов. Гриша впереди заорал что-то радостное. Я, кажется, тоже. В такие моменты человеку много не надо.

Две лыжи и склон. Через несколько минут я заметил облако. Оно висело западнее, за гребнем. Низкое, серое и какое-то слишком резвое. Я остановился. Лена тоже притормозила чуть ниже.

— Что?

— Похоже, что-то надвигается.

Она обернулась.

— Быстро.

— Угу.

Я нажал тангенту.

— Все слышат?

Рации отозвались одна за другой.

— Слышим.

— Есть.

— Да.

— Тут.

— Ага.

Артём ответил последним. Я посмотрел вверх ещё раз. Вершина уже исчезла.

— Сокращаем дистанцию. Следим за тем, кто впереди. Без остановок до Рюйян. Сева, не гони.

— Я вообще образец дисциплины.

— Именно поэтому я тебе и говорю.

Мы двинулись. Сначала пропали дальние горы. Потом склон впереди стал плоским. Ещё через пару минут практически исчезли тени. Я снизил скорость почти вдвое.

В белой мгле без теней и горизонта глаза быстро становятся почти бесполезны. Склон прямо под ногами. А вот где бугор, где яма и какой уклон — понять невозможно.

Мы постепенно сбились плотнее. Красная куртка Артёма мелькала впереди метрах в двадцати пяти. Потом ветер швырнул по склону плотную завесу снежной крупы. На несколько секунд всё исчезло.

Я замедлился ещё сильнее. Когда серое молоко немного разошлось, впереди уже стояли четверо. Артёма не было. Я остановился рядом.

— Где Тёма?

Миша резко обернулся.

— Он же за мной шёл.

— Шёл. Сейчас где?

Миша поднял маску на лоб, будто без неё мог рассмотреть что-то в серой каше.

— Только что был.

Я нажал рацию.

— Артём, приём.

Шипение.

— Тёма, ответь.

Ничего.

— Всем стоять.

Я развернулся и поднялся метров на пятнадцать по нашему следу. Его уже начало замечать.

— Макс! — крикнул Миша.

— Что?

— Здесь!

Я спустился к нему. Миша показывал палкой левее нашего следа. Там виднелись две свежие дуги. Они уходили в сторону, проходили за верёвку и растворялись в молоке. Я посмотрел туда. Потом на Мишу.

— Ты видел, когда он свернул?

— Когда нас зарядом накрыло. Он дёрнул левее. Я думал, бугор обходит.

— За верёвки?

Миша поморщился.

— Похоже.

Я снова нажал тангенту.

— Артём. Если слышишь, стой на месте. Не двигайся. Повторяю: стой на месте и ответь.

Ш-ш-ш-ш. Тишина. Я переключил бипер в поиск. Экран тут же поймал несколько сигналов — свои стояли рядом.

— Все биперы в поиск. Быстро.

Четверо зашуршали куртками. Лишние сигналы один за другим пропали. Я подождал несколько секунд. Пусто. Значит, Артём уже слишком далеко. Или что-то с его датчиком.

— Обратно в передачу.

За верёвками начинался нормальный взрослый Жироз: закрытые снегом трещины и снежные мосты. Могут спокойно пройти пять человек, а шестому не повезёт. Почти у самой границы, метрах в пятнадцати-двадцати от нас, из снега торчал хвост лыжи. Я стиснул челюсть.

— Тёма!

Ветер унёс крик.

Я вытащил телефон. Сети не было. На всякий случай попробовал позвонить. Бесполезно. GPS работал. И на том спасибо.

— Гриш.

— Да.

— Берёшь остальных и вниз, к Рюйян. На станции сразу поднимаете тревогу.

— А ты?

Я показал на лыжу.

— Проверю. Она рядом.

— Макс, может, не стоит? Рискованно.

— Я в курсе.

— Тогда не лезь.

— Только лыжа и ближайший след. Если его рядом нет, возвращаюсь.

Гриша выругался. Я открыл координаты.

— Записывай точку.

Продиктовал цифры и заставил его повторить.

— Как спуститесь, сразу передай спасателям. Скажи: человек за верёвками, возможно, в трещине.

— А если ты тоже...

— Хорошо. Ты, главное, с координатами не накосячь.

Он не улыбнулся.

— Макс...

— Гриш, у тебя четыре человека. У меня один. Не усложняй.

Он сжал губы, кивнул и повернулся к остальным.

— За мной. Медленно. Не растягиваемся.

Я дождался, пока они уйдут вниз. Последним исчез Гриша. Видимость уже метров двадцать, не больше. За спиной ещё торчала верёвка, впереди — лыжа. До неё метров пятнадцать. Спасатели про нас пока даже не знают.

— Тёма!

Ничего.

— Ну ответь ты.

Я застегнул куртку до подбородка и пошёл по следу. До лыжи дошёл быстро. Она почти не провалилась в снег. Крепление целое. Дальше были след от второй лыжи и отпечатки ботинка. Значит, после падения Тёма встал и пошёл дальше. Уже хорошо. Я не стал её трогать.

— Артём!

Что-то было впереди. Голос? Я остановился.

— Тёма!

Ничего. Показалось.

След уходил к перегибу. Недалеко. Метров двадцать.

Я обернулся. Верёвка ещё была видна. Ладно. Только туда и обратно.

Вот так люди обычно и становятся героями новостей. «Опытный лыжник решил пройти ещё двадцать метров». А в комментариях потом куча народа напишет, какой он был идиот. И, возможно, будут правы. Я двинулся дальше.

След стал рваным. В одном месте Артём явно упал — рядом отпечатались ладонь. Потом снова встал на ноги. За перегибом ветер окончательно вылизал поверхность. След исчез.

Я остановился. Достал телефон и посмотрел на карту. От верёвок я отошёл метров на сорок. Может, на пятьдесят. Стоп. Дальше наугад нельзя.

— Артём!

Рация молчала. Я развернулся по собственному следу. Снег под правой лыжей просел. Совсем чуть-чуть. Сантиметра на два. Я замер.

Никаких резких движений. Даже дышать перестал. Медленно перенёс вес назад. Снег хрустнул. Очень тихо. Так обычно хрустит тонкий лёд на луже. Только подо мной была не лужа, а что-то более глубокое.

— Вот же...

Договорить я не успел. Склон исчез. Лыжи провалились первыми. Я только успел вскинуть руки, ударился грудью о край, на секунду повис на нём и даже подумал, что сейчас вылезу. Край обломился.

Дальше мир превратился в бело-синюю мясорубку. Удар. Ещё один. Что-то рвануло правую ногу. Лыжа зацепилась за лёд и не отстегнулась. Потом ещё один удар, и меня выключило.

Очнулся я от холода. Лицо уже начало неметь. Я открыл глаза. Надо мной метрах в десяти или двенадцати светилась узкая серая щель.

Я лежал боком в тесной ледяной кишке. Рюкзак застрял сзади и, похоже, не дал мне провалиться глубже. Несколько секунд я просто дышал. Получалось плохо.

Каждый вдох отдавался болью справа под рёбрами. Ладно. Раз живой, будем выбираться. Я попробовал пошевелиться. Левая рука сразу отозвалась резкой болью.

— Понятно.

Правая работала, и это радовало. С ногами было сложнее.

Пальцы левой стопы шевелились. Правой тоже. Отлично.

Потом попробовал чуть подтянуть правую ногу.

Боли почти не было. Зато шевельнулась кость. Отдельно от ноги.

Я замер. Бедру хана. Голова сильно кружилась. По щеке текло что-то тёплое.

Я провёл пальцами по лбу. Кровь. Хрен с ней. Рация висела на груди. Я нащупал её здоровой рукой.

— Гриша. Приём.

Шипение.

— Гриша, я в трещине. Приём.

Ничего. Я попробовал другой канал. Тоже ничего. Телефон.

Экран треснул, но включился. Сети, как и наверху, не было. GPS тоже не ловил. Бипер работал в режиме передачи. Маленький индикатор продолжал мигать.

— Молодец. Хоть ты не подвёл.

Гриша уже должен был добраться до станции. Если погода там такая же, вертушка вряд ли полезет. Значит, пойдут от станции по леднику. Бипер поможет, когда подойдут достаточно близко. Главное, чтобы успели.

Я посмотрел на ногу, потом на серую щель наверху. Времени у меня было немного. Я попытался устроиться чуть удобнее. Зря. На несколько секунд всё вокруг стало чёрным. Когда отпустило, я уже не пытался двигаться.

Холод постепенно забирался под куртку. Пока терпимо. Через час будет хуже.

Сколько до темноты? Телефон показывал 14:37. Прекрасно. Я закрыл глаза. Нет. Спать нельзя.

— Эй!

Получилось тихо. Я прокашлялся.

— Эй!

На этот раз вышло громче. Сверху ничего. Я заорал ещё несколько раз. Потом понял, что только трачу силы.

Замолчал. Послушал. Ветер. Где-то далеко, очень далеко, будто сквозь толщу воды, что-то гудело.

Канатка? Вертолёт? Показалось?

Я задержал дыхание. Ничего. Через пару минут снова включил рацию.

— Кто-нибудь, приём.

Шипение.

— Сука.

Кот. Кто ж его, бедолагу, кормить будет?

Чё в голову лезет! Я же мохнатого соседке отдал. Не пропадёт. Она, может, и имя ему даст, а то я так и не придумал. Всё мохнатый да мохнатый.

Голос стал хриплым. Холод уже забрался под куртку. Пальцы здоровой руки слушались всё хуже, меня начало мелко трясти. Сломанная нога при каждом движении отзывалась тупой болью. Потом боль начала стихать. Плохой признак.

Холод будто уже так не пробирал. Я знал, чем это пахнет. Если ещё и дрожь начнёт уходить, совсем хреново.

Снова посмотрел наверх. Щель стала темнее. А ведь могу и не выбраться. Ещё сегодня утром я пил кофе в гостинице, ругался на французский интернет и обдумывал, где бы вечером поужинать. Весело. А теперь лежу внутри ледника.

Неплохо день сложился. Я закрыл глаза. Перед ними сразу появился Артём. Интересно, его-то хоть нашли? Если он всё-таки выбрался сам, я его прибую.

Не, сначала обниму. Потом точно убью. Через какое-то время дрожь действительно стала слабее. Теплее не стало. Телефон больше не включился. Нажал на рацию ещё раз.

— Гриш...

Получился шёпот. Я отпустил кнопку. Хватит. Если они рядом, бипер поймает.

Если не рядом... Ну что ж. Бывает. Я прислонился затылком ко льду и закрыл глаза.

Не знаю, сколько прошло времени. Минута. Пять. Может, я вообще отключился. Что-то коснулось лица.

Я открыл глаза. Сначала решил, что свет пробивается сверху. Но голубая полоска появилась прямо передо мной, на ледяной стене. Я моргнул. Полоска осталась.

— О.

Это всё, на что меня хватило. Свет медленно пополз вниз. Как-то слишком ровно. Я наблюдал. Он прошёл по груди, животу, ногам и исчез где-то подо мной.

Через секунду появился снова. Теперь рядом с первой полосой возникла вторая. Потом ещё несколько. Тонкая синяя сетка легла на лёд и на мою куртку. Я попробовал поднять руку.

Не получилось. Пальцы тоже не двигались. Зато боль отступила. Пропала полностью. Ещё секунду назад нога дико ныла, хотелось её открутить и выбросить. Теперь остался только холод.

— Так.

Голос прозвучал почти нормально.

— Либо меня нашли, либо начались галлюцинации.

Голубая линия прошла по лицу. В глазах вспыхнули точки. Я зажмурился. Свет всё равно остался. Следом пришёл низкий, почти неслышный звук. Он ощущался скорее зубами, чем ушами.

Где-то совсем рядом заработал механизм. На вертолёт не похоже. На лебёдку тоже.

Я попробовал повернуть голову. Не получилось. Гул стал сильнее. И тут лёд перед моим лицом дрогнул.

Не треснул. Не осыпался. Просто поплыл в стороны. Я уставился в открывшийся передо мной тёмный проход.

— Чё за...

Договорить не успел. Стало темно.

Глава 1. Ледник

Ла-Грав, Французские Альпы

За ночь снега навалило знатно, сантиметров тридцать, не меньше. Он лежал везде: на перилах, крышах машин и даже на плечах туристов.

Ради такого пухляка народ и мчится через пол-Европы. Вот и я тоже. Только добираться сюда из Москвы было отдельным квестом. Особенно если учесть, что нужно тащить пару комплектов лыж и остальную снарягу. Это не на пляж сгонять. Кинул в чемодан плавки, шлёпанцы, шорты — и готов.

Оно того стоило. Хотя, конечно, когда эйфория от каталки проходит, заглядываешь в онлайн-банк и понимаешь, что дома какое-то время придётся сидеть на дошираке. И думаешь, а может, лучше пузо погреть в Турции? Олинклюзив, все дела.

А через год снова стоишь в Ла-Граве перед подъёмником. Я пересчитал своих. Пятеро. Все такие же любители целины.

Гриша, Сева, Миша, Лена и Артём. Все на месте. Я шестой и сегодня по совместительству старший. Не гид. Гидами здесь были специально обученные французы с лицензиями и вполне соответствующими расценками.

Я просто знал район лучше остальных и согласился вести группу. Сейчас начинал подозревать, что сделал это зря.

— По одному.

Я переключил свой бипер в режим поиска. Гриша прошёл первым. Сигнал появился почти сразу.

— Дальше.

У остальных тоже лавинные датчики работали исправно. Ко мне шагнул Артём, экран остался пустым. Я взглянул на него. Он на меня. Потом на прибор. Снова на меня.

— Тём.

— Сейчас.

Он полез под куртку.

— Только не говори, что забыл включить.

— Я включал.

— Я верю, так оно и было.

— Макс, реально включал.

— Конечно. Сам, значит, вырубился.

Гриша заржал. Артём вытащил датчик. Тот действительно был выключен.

Парню было двадцать два, катался он прилично. За последний год здорово прибавил и временами уже начинал верить в себя чуть сильнее, чем следовало. Обычная история. Сам через это проходил.

— Включай.

Он включил передатчик. Я проверил сигнал и переключил свой бипер обратно в режим передачи.

— Всё. Больше его не трогай.

— Да понял я.

— Надеюсь.

Гриша хлопнул приятеля по плечу.

— Терпи. Я тебя предупреждал.

Я проверил прогноз ещё раз.

Снегопад стих к утру. Наверху ещё гулял ветер, возле гребней могло надуть свежие доски, поэтому никаких кулуаров и красивых приключений. Нормальная спокойная линия, дистанция, без самостоятельности.

На словах «без самостоятельности» я задержал взгляд на Артёме. Он показал мне большой палец. Я вздохнул и убрал телефон в карман. Наверх канатка ползла долго. Сначала остались внизу деревня и дорога, потом лес, потом вообще всё, напоминающее о присутствии цивилизации.

На Коль-де-Рюйиан нас выплюнуло уже в другой мир. Три тысячи двести метров, минус пятнадцать, ветер и Меж напротив. Скала торчала над ледниками, и рядом ты — песчинка во вселенной. Гриша подошёл ко мне и задрал голову.

— Красиво.

— Ага.

— Фотку сделаешь?

— Потом.

— Почему потом?

— Смотри. Сейчас ты достанешь телефон, снимешь перчатку и её унесёт ветром. А кто будет в этом виноват?

— Душный ты какой-то сегодня.

— Не, сегодня я ответственный.

— Это лечится?

— Возможно. Алкоголем, например.

Мы поднялись выше, к Дом-де-ла-Лоз. План был простой: пройти верх по Жироз, вернуться к Рюйиан, а оттуда уйти в Валлоны-де-ла-Меж. Никаких кулуаров и дальних вариантов. Экспериментировать после обильного ночного снегопада не хотелось.

На леднике я собрал всех ещё раз. Ветер швырял снежную крупу по насту, но видимость пока была нормальной.

— Идём так: Гриша первым. За ним Сева, Лена, Миша, Артём. Я замыкаю. Пока видимость позволяет, держим дистанцию метров тридцать. За верёвки не лезем. Вообще. Даже если там лежит самый прекрасный нетронутый снег вашей жизни.

Артём посмотрел в сторону белого поля.

— А если там очень прекрасный?

— Сфоткай. Потом полюбишься.

— Жадный ты.

— Зато живой.

Гриша здесь уже катался со мной и линию до Рюйиан знал. Поэтому он шёл первым, а я остался сзади, чтобы видеть всю группу. Я ткнул палкой вниз.

— У Рюйиан собираемся. Потом уходим вправо, в Валлоны. Если погода начнёт портиться раньше, никаких геройств, спускаемся к станции. Вопросы?

Сева поднял руку.

— Кататься-то уже можно?

— Нет, нельзя. Мы же просто постоять сюда пришли.

Гриша первым толкнулся вниз. За ним ушли Сева, Лена и Миша. Артём махнул мне палкой и поехал следом. Я дождался, пока между нами появятся положенные метры, и пошёл последним. Первые минуты вообще не хотелось ни думать, ни разговаривать.

Перелёты, пересадки, таскание лыжных чехлов через аэропорты — всё ради одного. Свежий снег. Лыжи ныряли в него почти без сопротивления, всплывали в дуге, снег бил в колени, ветер сразу уносил облако из-под кантов. Гриша впереди заорал что-то радостное. Я, кажется, тоже. В такие моменты человеку много не надо.

Две лыжи и склон. Через несколько минут я заметил облако. Оно висело западнее, за гребнем. Низкое, серое и какое-то слишком резвое. Я остановился. Лена тоже притормозила чуть ниже.

— Что?

— Похоже, что-то надвигается.

Она обернулась.

— Быстро.

— Угу.

Я нажал тангенту.

— Все слышат?

Рации отозвались одна за другой.

— Слышим.

— Есть.

— Да.

— Тут.

— Ага.

Артём ответил последним. Я посмотрел вверх ещё раз. Вершина уже исчезла.

— Сокращаем дистанцию. Следим за тем, кто впереди. Без остановок до Рюйиан. Сева, не гони.

— Я вообще образец дисциплины.

— Именно поэтому я тебе и говорю.

Мы двинулись. Сначала пропали дальние горы. Потом склон впереди стал плоским. Ещё через пару минут практически исчезли тени. Я снизил скорость почти вдвое.

В белой мгле без теней и горизонта глаза быстро становятся почти бесполезны. Склон прямо под ногами. А вот где бугор, где яма и какой уклон — понять невозможно.

Мы постепенно сбились плотнее. Красная куртка Артёма мелькала впереди метрах в двадцати пяти. Потом ветер швырнул по склону плотную завесу снежной крупы. На несколько секунд всё исчезло.

Я замедлился ещё сильнее. Когда серое молоко немного разошлось, впереди уже стояли четверо. Артёма не было. Я остановился рядом.

— Где Тёма?

Миша резко обернулся.

— Он же за мной шёл.

— Шёл. Сейчас где?

Миша поднял маску на лоб, будто без неё мог рассмотреть что-то в серой каше.

— Только что был.

Я нажал рацию.

— Артём, приём.

Шипение.

— Тёма, ответь.

Ничего.

— Всем стоять.

Я развернулся и поднялся метров на пятнадцать по нашему следу. Его уже начало замечать.

— Макс! — крикнул Миша.

— Что?

— Здесь!

Я спустился к нему. Миша показывал палкой левее нашего следа. Там виднелись две свежие дуги. Они уходили в сторону, проходили за верёвку и растворялись в молоке. Я посмотрел туда. Потом на Мишу.

— Ты видел, когда он свернул?

— Когда нас зарядом накрыло. Он дёрнул левее. Я думал, бугор обходит.

— За верёвки?

Миша поморщился.

— Похоже.

Я снова нажал тангенту.

— Артём. Если слышишь, стой на месте. Не двигайся. Повторяю: стой на месте и ответь.

Ш-ш-ш-ш. Тишина. Я переключил бипер в поиск. Экран тут же поймал несколько сигналов — свои стояли рядом.

— Все биперы в поиск. Быстро.

Четверо зашуршали куртками. Лишние сигналы один за другим пропали. Я подождал несколько секунд. Пусто. Значит, Артём уже слишком далеко. Или что-то с его датчиком.

— Обратно в передачу.

За верёвками начинался нормальный взрослый Жироз: закрытые снегом трещины и снежные мосты. Могут спокойно пройти пять человек, а шестому не повезёт. Почти у самой границы, метрах в пятнадцати-двадцати от нас, из снега торчал хвост лыжи. Я стиснул челюсть.

— Тёма!

Ветер унёс крик.

Я вытащил телефон. Сети не было. На всякий случай попробовал позвонить. Бесполезно. GPS работал. И на том спасибо.

— Гриш.

— Да.

— Берёшь остальных и вниз, к Рюйян. На станции сразу поднимаете тревогу.

— А ты?

Я показал на лыжу.

— Проверю. Она рядом.

— Макс, может, не стоит? Рискованно.

— Я в курсе.

— Тогда не лезь.

— Только лыжа и ближайший след. Если его рядом нет, возвращаюсь.

Гриша выругался. Я открыл координаты.

— Записывай точку.

Продиктовал цифры и заставил его повторить.

— Как спуститесь, сразу передай спасателям. Скажи: человек за верёвками, возможно, в трещине.

— А если ты тоже...

— Хорошо. Ты, главное, с координатами не накосячь.

Он не улыбнулся.

— Макс...

— Гриш, у тебя четыре человека. У меня один. Не усложняй.

Он сжал губы, кивнул и повернулся к остальным.

— За мной. Медленно. Не растягиваемся.

Я дождался, пока они уйдут вниз. Последним исчез Гриша. Видимость уже метров двадцать, не больше. За спиной ещё торчала верёвка, впереди — лыжа. До неё метров пятнадцать. Спасатели про нас пока даже не знают.

— Тёма!

Ничего.

— Ну ответь ты.

Я застегнул куртку до подбородка и пошёл по следу. До лыжи дошёл быстро. Она почти не провалилась в снег. Крепление целое. Дальше были след от второй лыжи и отпечатки ботинка. Значит, после падения Тёма встал и пошёл дальше. Уже хорошо. Я не стал её трогать.

— Артём!

Что-то было впереди. Голос? Я остановился.

— Тёма!

Ничего. Показалось.

След уходил к перегибу. Недалеко. Метров двадцать.

Я обернулся. Верёвка ещё была видна. Ладно. Только туда и обратно.

Вот так люди обычно и становятся героями новостей. «Опытный лыжник решил пройти ещё двадцать метров». А в комментариях потом куча народа напишет, какой он был идиот. И, возможно, будут правы. Я двинулся дальше.

След стал рваным. В одном месте Артём явно упал — рядом отпечатались ладонь. Потом снова встал на ноги. За перегибом ветер окончательно вылизал поверхность. След исчез.

Я остановился. Достал телефон и посмотрел на карту. От верёвок я отошёл метров на сорок. Может, на пятьдесят. Стоп. Дальше наугад нельзя.

— Артём!

Рация молчала. Я развернулся по собственному следу. Снег под правой лыжей просел. Совсем чуть-чуть. Сантиметра на два. Я замер.

Никаких резких движений. Даже дышать перестал. Медленно перенёс вес назад. Снег хрустнул. Очень тихо. Так обычно хрустит тонкий лёд на луже. Только подо мной была не лужа, а что-то более глубокое.

— Вот же...

Договорить я не успел. Склон исчез. Лыжи провалились первыми. Я только успел вскинуть руки, ударился грудью о край, на секунду повис на нём и даже подумал, что сейчас вылезу. Край обломился.

Дальше мир превратился в бело-синюю мясорубку. Удар. Ещё один. Что-то рвануло правую ногу. Лыжа зацепилась за лёд и не отстегнулась. Потом ещё один удар, и меня выключило.

Очнулся я от холода. Лицо уже начало неметь. Я открыл глаза. Надо мной метрах в десяти или двенадцати светилась узкая серая щель.

Я лежал боком в тесной ледяной кишке. Рюкзак застрял сзади и, похоже, не дал мне провалиться глубже. Несколько секунд я просто дышал. Получалось плохо.

Каждый вдох отдавался болью справа под рёбрами. Ладно. Раз живой, будем выбираться. Я попробовал пошевелиться. Левая рука сразу отозвалась резкой болью.

— Понятно.

Правая работала, и это радовало. С ногами было сложнее.

Пальцы левой стопы шевелились. Правой тоже. Отлично.

Потом попробовал чуть подтянуть правую ногу.

Боли почти не было. Зато шевельнулась кость. Отдельно от ноги.

Я замер. Бедру хана. Голова сильно кружилась. По щеке текло что-то тёплое.

Я провёл пальцами по лбу. Кровь. Хрен с ней. Рация висела на груди. Я нащупал её здоровой рукой.

— Гриша. Приём.

Шипение.

— Гриша, я в трещине. Приём.

Ничего. Я попробовал другой канал. Тоже ничего. Телефон.

Экран треснул, но включился. Сети, как и наверху, не было. GPS тоже не ловил. Бипер работал в режиме передачи. Маленький индикатор продолжал мигать.

— Молодец. Хоть ты не подвёл.

Гриша уже должен был добраться до станции. Если погода там такая же, вертушка вряд ли полезет. Значит, пойдут от станции по леднику. Бипер поможет, когда подойдут достаточно близко. Главное, чтобы успели.

Я посмотрел на ногу, потом на серую щель наверху. Времени у меня было немного. Я попытался устроиться чуть удобнее. Зря. На несколько секунд всё вокруг стало чёрным. Когда отпустило, я уже не пытался двигаться.

Холод постепенно забирался под куртку. Пока терпимо. Через час будет хуже.

Сколько до темноты? Телефон показывал 14:37. Прекрасно. Я закрыл глаза. Нет. Спать нельзя.

— Эй!

Получилось тихо. Я прокашлялся.

— Эй!

На этот раз вышло громче. Сверху ничего. Я заорал ещё несколько раз. Потом понял, что только трачу силы.

Замолчал. Послушал. Ветер. Где-то далеко, очень далеко, будто сквозь толщу воды, что-то гудело.

Канатка? Вертолёт? Показалось?

Я задержал дыхание. Ничего. Через пару минут снова включил рацию.

— Кто-нибудь, приём.

Шипение.

— Сука.

Кот. Кто ж его, бедолагу, кормить будет?

Чё в голову лезет! Я же мохнатого соседке отдал. Не пропадёт. Она, может, и имя ему даст, а то я так и не придумал. Всё мохнатый да мохнатый.

Голос стал хриплым. Холод уже забрался под куртку. Пальцы здоровой руки слушались всё хуже, меня начало мелко трясти. Сломанная нога при каждом движении отзывалась тупой болью. Потом боль начала стихать. Плохой признак.

Холод будто уже так не пробирал. Я знал, чем это пахнет. Если ещё и дрожь начнёт уходить, совсем хреново.

Снова посмотрел наверх. Щель стала темнее. А ведь могу и не выбраться. Ещё сегодня утром я пил кофе в гостинице, ругался на французский интернет и обдумывал, где бы вечером поужинать. Весело. А теперь лежу внутри ледника.

Неплохо день сложился. Я закрыл глаза. Перед ними сразу появился Артём. Интересно, его-то хоть нашли? Если он всё-таки выбрался сам, я его прибую.

Не, сначала обниму. Потом точно убью. Через какое-то время дрожь действительно стала слабее. Теплее не стало. Телефон больше не включился. Нажал на рацию ещё раз.

— Гриш...

Получился шёпот. Я отпустил кнопку. Хватит. Если они рядом, бипер поймает.

Если не рядом... Ну что ж. Бывает. Я прислонился затылком ко льду и закрыл глаза.

Не знаю, сколько прошло времени. Минута. Пять. Может, я вообще отключился. Что-то коснулось лица.

Я открыл глаза. Сначала решил, что свет пробивается сверху. Но голубая полоска появилась прямо передо мной, на ледяной стене. Я моргнул. Полоска осталась.

— О.

Это всё, на что меня хватило. Свет медленно пополз вниз. Как-то слишком ровно. Я наблюдал. Он прошёл по груди, животу, ногам и исчез где-то подо мной.

Через секунду появился снова. Теперь рядом с первой полосой возникла вторая. Потом ещё несколько. Тонкая синяя сетка легла на лёд и на мою куртку. Я попробовал поднять руку.

Не получилось. Пальцы тоже не двигались. Зато боль отступила. Пропала полностью. Ещё секунду назад нога дико ныла, хотелось её открутить и выбросить. Теперь остался только холод.

— Так.

Голос прозвучал почти нормально.

— Либо меня нашли, либо начались галлюцинации.

Голубая линия прошла по лицу. В глазах вспыхнули точки. Я зажмурился. Свет всё равно остался. Следом пришёл низкий, почти неслышный звук. Он ощущался скорее зубами, чем ушами.

Где-то совсем рядом заработал механизм. На вертолёт не похоже. На лебёдку тоже.

Я попробовал повернуть голову. Не получилось. Гул стал сильнее. И тут лёд перед моим лицом дрогнул.

Не треснул. Не осыпался. Просто поплыл в стороны. Я уставился в открывшийся передо мной тёмный проход.

— Чё за...

Договорить не успел. Стало темно.

Глава 3. Чужой язык

В стене тихо открылась ниша. В ней стояла пара тёмных ботинок.

— О. Обувь.

Я сунул ногу в правый. Ботинок сам мягко обжал стопу, потом немного ослаб.

— Удобно.

— Изделие изготовлено по параметрам вашего тела.

Натянул второй и встал. Никаких шнурков, застёжек и язычков. Просто сунул ноги и пошёл.

После моих разрезанных горнолыжных ботинок, лежавших в соседней нише двумядохлыми крокодилами, особенно приятно.

Я прошёлся туда-сюда.

— Ну что, займёмся языком?

— Ложитесь в медицинскую капсулу.

Я остановился.

— Опять?

— Ускоренное обучение требует постоянного контроля состояния мозга и организма.

Посмотрел на ботинки.

— И зачем я тогда обувался?

— Вы просили обувь.

— Тоже верно.

Пришлось разуваться.

Через минуту я снова лежал внутри капсулы. Хотя бы не было геля.

— Что делать?

— Смотреть, слушать и отвечать, когда потребуется.

— Ошибаться можно?

— Во время обучения это допустимо.

Свет приглушился.

Я ждал, что на меня навесят датчики, подключат электроды, велят не двигаться. Но ничего.

Мгновение спустя прозвучало короткое чужое слово.

Одновременно с ним перед глазами появилась вода.

Настоящая настолько, что я чуть не дёрнул головой. Тёмная поверхность, мелкая рябь, блики.

— Кин, я это сейчас вижу или мне кажется?

— Капсула напрямую воздействует на соответствующие участки вашего мозга. Зрение и слух в процессе не участвуют.

— То есть картинка возникает прямо в моей голове?

— Если сильно упростить, да.

Вода исчезла. На смену ей пришли камень, рука, тепло, высота, движение. Каждому соответствовал свой звук. Иногда добавлялось ощущение. Иногда сразу несколько.

Через полминуты я попытался подняться.

Капсула мягко придержала плечи.

— Кин.

Он ответил.

На своём языке.

И я понял.

«Продолжайте».

Я замер.

— Э-э...

Перед глазами появилась дверь.

Чужое название всплыло само. Я его знал. Точно знал.

Оставалась мелочь — произнести.

Получилось так, будто я подавился рыбной костью.

— Произношение неверно, — сообщил Кин.

— Сам знаю.

Попробовал ещё раз.

— Приемлемо.

— И на том спасибо.

Следующее слово появилось сразу.

Потом ещё одно.

Через какое-то время отдельные слова превратились во фразы. Русский начал мешать. Я понимал смысл раньше, чем успевал переводить, но стоило открыть рот, как в голове стали кивались сразу два языка.

После очередной особенно удачной попытки получилась такая каша, что я уже сам не понимал, на каком языке говорю.

— Стоп.

Всё исчезло.

Я открыл глаза.

Комната медленно уехала вправо и вернулась обратно.

— Уточните ваше состояние.

— Штормит меня что-то. Голова тяжёлая, тошнит.

— Это допустимо.

Я сел.

Зря.

Пришлось подождать, пока пол перестанет вращаться.

— Сколько прошло?

— Два часа восемнадцать минут.

— Серьёзно?

— Да.

Я думал, минут двадцать, не больше. А голова гудит, как после трёх экзаменов подряд.

— И много я выучил?

Кин ответил на своём языке.

Я машинально сказал:

— Не знаю.

И только потом понял, что тоже ответил на его языке.

Несколько секунд сидел молча.

— Я сейчас что сказал?

— «Не знаю».

— На вашем языке?

— Да.

Я невольно улыбнулся.

— Неплохо. Может, ещё?

— Нет.

— Почему?

— Требуется восстановление.

— Да нормально я себя чувствую.

На стене появилась схема, отдалённо напоминающая человеческий мозг. Что именно она показывала, я не разобрал. Зато сразу заметил пульсирующий красный участок.

— У вас снижена скорость реакции и растёт когнитивная нагрузка.

— Я же тебе говорю, нормально у меня всё.

— Ваше утверждение не соответствует измерениям.

— Соответствует, не соответствует... Ладно, убедил.

Кин отправил меня есть. Я не сопротивлялся. Тем более что подкрепиться давно было пора.

Я перешёл в соседнее помещение. Комната оказалась небольшой: стол, два кресла и гладкая стена.

Из ниши выдвинулась тарелка с чем-то похожим на куриную грудку и овощами.

Я даже хмыкнул. Ногу собрали заново, зуб вырастили, теперь ещё чужой язык мне в голову запихивают... А кормят как в обычной столовке.

Впрочем, пахло неплохо.

Минут пять я ел молча.

Потом ткнул вилок в овощ.

— А это у нас что?

Кин ответил.

Я понял.

Ткнул в мясо.

— А это?

Снова понял.

— Работает.

Я откинулся в кресле.

— Кин, а вы сами себя как называете?

Он произнёс:

— Сэллайры.

Я попробовал повторить.

Получилось плохо.

Со второго раза получилось не лучше. А на третьем я решил, что должен быть способ попроще.

— Всё. Будете сэйрами.

— Уточните.

— Сэллайры. Сэйры. Коротко и язык не сломаешь.

— Это другое слово.

— Теперь уже нет.

Пауза.

— Регистрирую сокращённую форму для общения с вами.

— Вот видишь. Проблема решена.

— Исходное самоназвание остаётся корректным.

— Никто не спорит.

Я допил воду.

— А что оно значит?

Кин ответил на сэйрском.

На этот раз слово будто само разделилось на части.

Первая означала что-то вроде «произошедшие», «вышедшие», «рождённые».

Вторая...

— Ллаир.

— Да.

— Это ваша планета?

— Да.

— Тогда получается... дети Ллаира?

— Приблизительно.

Я вспомнил корабль у Марса.

— А он как называется?

— Ллаир-теш.

Оба слова уже были знакомы. Вот только для «теш» я никак не мог подобрать нормальный русский перевод.

— Теш — это поиск?

— Частично.

— Исследование?

— Частично.

— Тогда что именно?

— Действие, направленное на получение ответа, которого пока нет.

— Хорошо. Если человек пропал и его ищут — это теш?

— Да.

— Если ищут лекарство?

— Да.

— Новую планету?

— Да.

— Выходит, всё-таки поиск.

— Ваше слово описывает только действие. Теш также обозначает отношение к неизвестному.

— Какое?

— Если ответа нет, это является основанием искать.

Я перестал крутить вилку.

— То есть неизвестность вас не останавливает.

— Нет.

— Наоборот, пытаетесь найти ответ.

— Формулировка упрощена.

— Зато понятна.

Я посмотрел на светящийся круг.

— А Ллаир тогда просто название планеты?

— Не только.

Кин произнёс несколько слов на сэйрском.

Смысл я понял почти сразу.

Место.

Свои.

Принадлежность.

Дом.

Я нахмурился.

— Подожди. Дом?

На стене появилось изображение человеческого дома.

— Это может быть ллаир?

— Да.

Картинка сменилась группой людей.

— Семья?

— Да.

Потом появился корабль.

Я уже понял.

— И экипаж тоже.

— Может являться ллаиром.

— Интересно.

Получалось какое-то слишком широкое слово. Дом, место, люди, к которым ты принадлежишь.

— Ллаир-теш, — повторил я.

— Да.

— Ищущий дом?

— Допустимо.

— Ищущий место, которое станет своим?

— Ближе.

— Долго.

— Что именно?

— Название. Ллаир-теш. Будет Теш.

— Вы убрали часть, определяющую объект поиска.

— Зато короче. Регистрируй.

Пауза.

— Регистрирую сокращённое название «Теш».

— Отлично.

Я уже собирался встать, когда вспомнил:

— А этот бот как называется?

— Теш-каи.

Я прислушался к слову. «Теш» уже понятно. А «каи»... маленький? Младший? Что-то в этом роде.

— Малый ищущий.

— Близко. «Каи» в данном случае означает меньший или вспомогательный.

Я огляделся.

— Большой у нас Теш. Значит, бот будет Кайкой.

— Уточните.

— Всё логично. Большому сократили название, маленькому тем более положено.

— Логика сокращения мне непонятна.

— Главное, мне понятна. Регистрируй.

Ещё одна пауза.

— Регистрирую разговорное название «Кайка».

— Вот теперь порядок.

Я поднялся.

И сразу пожалел.

В висках появилась тупая боль.

Пришлось ухватиться за край стола.

— Максим.

Кин впервые назвал меня по имени.

— Нормально.

— Нет.

— Да голова немного потрескивает.

— Уровень нагрузки превышает рекомендованный.

— Сам вижу.

— Вы не можете видеть уровень нейронной нагрузки.

Я закрыл глаза.

— Кин.

— Да?

— Хорошо душнить.

— Принято.

Через пять минут я уже лежал в медкапсуле.

Учиться Кин запретил и велел спать.

Мне казалось, с таким гулом в голове это невозможно.

Ошибся.

Проснулся я с ощущением, что мозг ночью разобрали, промыли и собрали обратно. Правда, кое-что, похоже, перепутали местами. А что-то, может, вообще потеряли.

За завтраком начались странности. Я смотрел на стакан, и в голове сразу всплывали два слова — русское и сэйрское.

Потом я взял вилку и на несколько секунд завис. Вот же... как она по-русски называется? Смотрел на вилку, а сэйрское название всплыло сразу. Русское — как отрезало.

— Кин.

— Да?

Я поднял вилку.

— Это что?

— Уточните.

— По-русски.

— Вилка.

— Точно.

Я положил её обратно.

— Мне начинать волноваться?

— В процессе подготовки можете иногда забывать отдельные слова на родном языке.

— Надеюсь, это не навсегда.

— Нет. Подобные нарушения временные.

— Скоро начну разговаривать как гастарбайтер из космоса.

— Не понял.

— Ну и ладно.

Остаток дня слился в один длинный урок.

Кин почти перестал говорить по-русски. Я понимал заметно больше, чем мог сказать. Иногда отвечал нормально, иногда выдавал абракадабру из двух языков. А что именно сказал, сам уже не всегда понимал.

К вечеру щелчки всё ещё получались через раз, окончания жили своей жизнью, а Кин продолжал утверждать, что обучение идёт успешно.

Я решил ему поверить.

Сил спорить всё равно не осталось.

На следующий день начался базовый корпус знаний.

— Что учим?

— Устройство экспедиционных кораблей, аварийные процедуры, основы навигации и работу основных систем.

— Всё за сегодня?

— Да.

Я посмотрел на капсулу.

— Высшая математика после обеда?

— Не требуется.

Несколько часов выпали из жизни.

Когда капсула открылась, мне хотелось только одного: чтобы никто никогда больше ни о чём меня не спрашивал.

Кин дал мне двадцать семь минут отдыха.

И ровно через двадцать семь минут спросил:

— Что ограничивает длительную работу систем маскировки?

— Тепло.

Я даже не успел задуматься. Ответ уже был в голове.

— Почему?

Тут пришлось на секунду задуматься.

— Корабль выделяет тепло. Если его не сбрасывать, оно накапливается. Чем дольше сидишь в скрытом режиме, тем сильнее греешься.

— Верно.

— Странное ощущение. Я не помнил, чтобы когда-нибудь это учил, но ответить мог.

— Это ожидаемый результат.

Я сел.

— Ладно. Давай теперь проверим мои знания на практике.

— Вы не стали специалистом.

— Вот и посмотрим.

Кин согласился подозрительно быстро.

В соседнем помещении одна из стен исчезла.

За ней оказался небольшой командный пост: несколько кресел, панели, светящиеся обозначения прямо над поверхностями.

Я шагнул вперёд.

Пол остался прежним.

— Симуляция?

— Да.

— Теша?

— Нет. Обобщённый интерфейс.

Я оглядел панели. Значки были незнакомые, но их смысл я уже понимал. Энергосистема, охлаждение, резерв, распределение мощности.

— Ну и с чего начинаем?

На ближайшей панели тут же загорелось предупреждение.

Я посмотрел на него и сразу понял: второй контур теплоотвода работает хуже нормы.

— Нужно снизить нагрузку.

— Выполняйте.

Я перевёл взгляд на Кина.

— И куда нажимать?

— Вы хотели проверить знания на практике.

— Зараза.

— Я не являюсь биологическим организмом.

— Кин, не беси.

Передо мной светилось восемь обозначений. Четыре я узнал сразу.

Энергосистема. Резерв. Охлаждение. Распределение.

Все обозначения были знакомы. А вот что с ними делать дальше — уже сложнее.

Я пару раз открыл не те разделы, вернулся назад и наконец добрался до схемы охлаждения.

Нашёл второй контур. От него расходилось несколько цепей. Какая нужна, я понятия не имел. Выбрал одну и полез в ограничение мощности.

Интерфейс мигнул, и половина командного поста погасла.

Я отдёргнул руку.

— Так. Что я сейчас вырубил?

— Вы отключили питание двух вспомогательных систем.

— Каких?

Кин перечислил. Из всего списка я зацепился за главное.

— Я выключил туалет?

— Санитарный блок входит в отключённую бытовую сеть.

— Отличное начало капитанской карьеры.

Пришлось вернуть питание и поискать ещё. Со второй попытки попал куда надо: ограничил нагрузку, предупреждение исчезло.

— Получилось.

— Да.

Я оглянулся на круг.

— Ну?

— Что?

— Можно сказать «молодец».

— Вы выполнили простейшую операцию в адаптированном интерфейсе со второй попытки.

— Ладно, обойдусь без похвалы.

Следом Кин подкинул новую задачу. Потом ещё одну.

С базовыми знаниями всё действительно было неплохо. Я узнавал системы, понимал, для чего они нужны и что с ними происходит. А вот куда нажать, чтобы снова ничего не погасло, приходилось выяснять уже самому.

Примерно как человек, который прочитал устройство автомобиля и после этого решил, что теперь умеет ремонтировать коробку передач.

Через пару часов перед глазами начали расплываться значки.

Я закрыл очередную схему.

— Всё. Хватит.

— Согласен.

Я медленно повернулся к кругу.

— Ты сейчас со мной согласился?

— Ваше состояние достигло предельного уровня нагрузки для текущего этапа.

— А я уж подумал, прогресс.

Симуляция исчезла.

До комнаты отдыха я кое-как дошёл и рухнул в кресло.

Кин молчал.

За что я был ему искренне благодарен.

Минут через десять я спросил:

— Сколько осталось?

— До чего?

— До аттестации.

— Ориентировочно двадцать два часа подготовки.

Я прикрыл глаза.

— Хватит?

— Да. При сохранении текущего темпа.

— А если ускорить?

— Нет.

Я усмехнулся.

— Вот теперь точно притираемся.

Несколько секунд Кин молчал.

— Отдыхайте. На следующем этапе правильного ответа может не быть.

Я открыл глаза.

— В смысле?

— Узнаете на аттестации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.